

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К 49-ОЙ ГЛАВЕ ТРУДА
КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО
«ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ»

G. G. LITAVRIN/Leningrad

Трудности понимания текста 49-ой главы хорошо известны византистам. Не останавливаясь на существующих в историографии спорах, позволю себе коротко изложить свое мнение о некоторых свидетельствах царственного автора в этом разделе его труда.

Заглавие и характерные особенности текста главы говорят о том, что она была написана и включена в дидактический труд по инициативе самого Константина и при его активном участии. Положение митрополии Патр как крупного землевладельца и обладателя многочисленными париками находилось в остром противоречии с правительственным курсом самого Константина, направленным на ограничение владений светской и духовной знати и сохранение крестьянского налогообязанного землевладения. Глава должна была дать в руки наследника престола (Романа II) убедительные аргументы против обвинения политики императора в непоследовательности, предоставить неопровержимые свидетельства того, что права митрополит Патр законны, что они надлежащим образом в силу исключительных обстоятельств утверждены почти полтора столетия назад и в известной мере имеют даже сакральный характер (дарованы не столько самой митрополии, сколько самому апостолу св. Андрею).

Независимо от решения вопроса, стал ли Пелопоннес особой фемой вскоре после похода Ставракия (783 г.) или непосредственно перед восстанием славян на полуострове в 805/807 г., или же после подавления восстания, ко времени осады Патр славянами он уже являлся административным округом империи с резиденцией правителя именно в этом городе. Скорее всего к 805 г. Пелопоннес уже был фемой, и управлял ею тот самый стратиг (Склир?), о котором идет речь в 49-ой главе и который временно во время восстания славян находился со своим отрядом в Коринфе. Во всяком случае власть империи на полуострове к началу IX в. была упрочена, усилен был и гарнизон Патр. Стратиг не подозревал опасности, оставляя на 2-3 месяца свою резиденцию. Церкви в поселениях «греков» (в том числе храм св. Андрея в окрестностях Патр) функционировали беспрепятственно. Патры как административный центр провинции часто посещали чиновные лица всех рангов со всего полуострова. Кроме того, город служил местом переправы через Ко-

ринфский залив и лежал на кратчайшем пути из Пелопоннеса в Фессалию (по долине р. Морнос) и далее к Константинополю. В силу неустойчивости обстановки в VIII начале IX в. на далматинском побережье «Виа Эгнация» в это время не использовалась для международных связей, и Патры, по всей вероятности, служили местом, куда прибывали для дальнейшего следования в Константинополь посланцы-заложники не только от славянских вождей Пелопоннеса, но и от правителей лангобардских княжеств Италии. Именно поэтому в Патрах имелась постоянно действующая ксенодохия, содержание которой в качестве казенной ангарии представлялось весьма обременительным митрополичьему клиру. Поскольку содержание ксенодохии предполагало существенные ежедневные затраты продуктов, естественно полагать, что митрополия еще до восстания славян располагала и земельными владениями и работавшими на них зависимыми крестьянами (об имениях церкви с париками как раз для этого времени сообщает Феофан).

Славяне Пелопоннеса ко времени восстания рассматривались уже как подданные империи со всеми вытекающими из этого последствиями: признавали власть империи, облагались налогами, привлекались к военной службе, должны были принять крещение. Однако процесс эллинизации находился еще в самой начальной стадии. И хотя славянские поселения располагались в непосредственном соседстве с греческими, славяне жили еще в пределах собственных, обособленных от автохтонов общин и объединений; традиции родо-племенного быта (и язычества) были в их среде еще очень прочны, племенная славянская знать еще пользовалась высоким авторитетом. Именно поэтому в подготовке и ходе восстания славян прослеживаются отчетливые следы организации и целенаправленности.

Подготовка к восстанию была осуществлена втайне от греков. Восстание явилось неожиданностью для византийских властей: местное не-славянское население было захвачено врасплох, в Патрах не были сделаны запасы продовольствия и воды на случай осады, стратиг с основными воинскими силами находился в дальнем походе (видимо, ради оказания помощи стратигу соседней фемы - Эллады). Восстание быстро охватило значительную территорию, далеко выходящую за пределы Ахайи. Трудно сказать, имели ли все восставшие единое руководство. Патры были осаждены, несомненно, не всеми восставшими, а лишь теми, которые проживали в расположенных поблизости районах. Эта часть восставших имела, вне всякого сомнения, своих вождей и военачальников. Их целью было овладение этой важнейшей крепостью для превращения ее в свой политический центр. Ради этого был заранее

заключен договор о совместных действиях с африканскими арабами (их флот был нужен для блокады города с моря). С этими вождями восставших должностные лица и влиятельные люди города («архонты») решили завязать переговоры о сдаче и подчинении славянам Патр (на единственном условии — обеспечения безопасности), если помощь страстига не подоспеет во-время.

Поводом к восстанию славян послужило общее увеличение налогового гнета в империи, которым были ознаменованы уже первые годы правления Никифора I (802-811 гг.). Возможно, только в это время славяне, еще недавно не платившие никаких налогов в казну императора и даже взимавшие дань с автохтонного населения, подверглись налогообложению наравне с прочими подданными империи. Не исключено, что взамен воинской службы (в силу недостаточной надежности укомплектованных из них отрядов) они должны были вносить компенсацию в размере 18,5 номисм («какосис» Никифора I).

Восстание началось скорее всего ранней осенью — накануне уплаты налогов, когда урожай был уже убран, но натуральные подати еще не поступили в государственные склады в Патрах: в противном случае осажденные не страдали бы от недостатка продовольствия после не столь продолжительной осады: осажденные сохранили достаточно сил и даже сумели, выйдя из города, внезапной атакой разгромить осаждавших.

Разгромленные славяне рассматривались как мятежники против законной власти. Санкции против них коснулись прежде всего тех, кто участвовал в осаде Патр, в особенности — был взят в плен с оружием в руках (в храме св. Андрея). Как и в последующем, в X-XI вв., в случае отвоевания временно потерянных империей земель или подавления мятежа свободных крестьян, после разгрома восставших славян их земельные участки и угодья были также объявлены собственностью императора. Мы считаем, что часть плененных славян была пожалована митрополии Патр императором Никифором I (в качестве исключения, за какие-то ее подлинные заслуги в организации обороны города) вместе с обрабатываемой ими землей, целыми стасями-хозяйствами, составлявшими целые деревни общины. Поэтому в главе и говорится о целых семьях побежденных славянских воинов и упоминается о сохранении у них общинного распорядка. Особое значение мы придаем упоминанию в 49-ой главе о том, что славяне были переданы митрополии вместе с «их имуществом» (τῆς βλάβης αὐτῶν), под которым вряд ли следует понимать только домашний скраб, орудия труда и скот. Славяне не были обращены в рабов. (Они сохранили правоспособность, вплоть до права

жаловаться на своего господина — митрополита самому императору). Не являлись они и подлинно «энапографами» в старом техническом значении этого термина. Не считаем мы возможным усматривать здесь указание либо на солемний (передачу митрополии права сбора государственных налогов с определенных деревень или в определенном размере), либо на раннюю форму арифмоса (права поселить на своей земле на статусе париков установленное число неимущих крестьян). Процесс формирования категории частновладельческих париков, принявший уже к началу X в. обеспокоившие правительство масштабы, имел длительную предысторию. На первых порах он совершался наиболее интенсивно как раз в императорских и церковных владениях. 49-ая глава представляет одно из первых драгоценных свидетельств о начальных этапах этого процесса — о передаче получившей статус императорской собственности земли вместе с крестьянами, оказавшимися на статусе париков (в наказание за мятеж), в качестве пожалования, в пользу церкви. «Энапографуменой» 49-ой главы могут быть сопоставлены с теми «анаграммами», о которых упоминает Иоанн Латрский (X в.) и которые были переданы императорами церкви «для возделывания мест церковных». Иначе говоря, мы полагаем, что переданные митрополии Патр славяне (одна или несколько деревень) должны были платить церкви и арендную плату за держание церковной земли, и часть налогов, ранее установленных в пользу фиска. Что же касается ксенодохии, то ее содержание (хотя, видимо, и весьма обременительное) было лишь дополнительной повинностью (ангарией) для славян, лежавшей прежде на митрополии. Именно как господин своих париков митрополит сохранил право контроля над выполнением славянами этой повинности, как господин он имел возможность в дальнейшем и увеличить эти повинности, вопреки закону, в свою пользу. Общинные порядки, опираясь на которые, славяне митрополии производили раскладку между собой натуральных взносов для ксенодохии и работ по ее обслуживанию, не были, конечно, нововведением имперских властей — общинный быт был естественно сложившейся и устойчивой формой сельской жизни славян.

Притеснения славян-париков со стороны митрополита, тем более понятные, что подвластные ему люди слыли мятежниками против императора и были обращены в зависимых в качестве наказания за восстание, обусловили их жалобу в Константинополь. Доказательства незаконности действий митрополита были, видимо, достаточно вескими. Лев VI мог принять во внимание и возможность нового восстания славян на Пелопоннесе, особенно опасное в условиях войн с болгарским царем Симеоном (в первые годы X в. Симеон пытался расширить пределы под-

властной ему территории в направлении к Северной Греции). Сигиллий императора, четко определяя обязанности славян в отношении митрополии, запрещал церковному главе Патр взыскивать с них что-либо сверх установленного. Император решительно запрещал ἀλαργυρίζεσθαι славян. По нашему мнению, этот глагол ни в коей мере нельзя понимать в смысле продажи славян за деньги. Речь шла скорее всего о попытках митрополита перевести натуральные взносы и отработки славян в пользу ксенодохии на деньги, чтобы изъять дело ее обслуживания из ведения славянской общины, обратить эту ангарию в постоянную денежную подать с крестьян и взять в свои руки полный контроль над ксенодохией, ее расходами и доходами. Не исключено, однако, что упомянутый глагол следует толковать просто в смысле — «обирать», «брать лишнее», «лишать последних (серебряных) денег».